

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50

EDN: DBKNGO

УДК 81'42:159.953

Научная статья / Research article

Механизмы понимания: теория мнемы Н.А. Рубакина

Н.А. Бубнова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ bubnova-na@rudn.ru

Аннотация. Представлен краткий обзор библиопсихологической теории русского книговеда, библиографа, популяризатора науки, писателя Николая Александровича Рубакина — теории мнемы, базирующейся на достижениях физиологии и эволюционной биологии и позволяющей последовательно и доказательно раскрыть устройство человеческой психики, показать механизм понимания в общем и понимания слова и текста в частности. Теория мнемы, представленная научной общественности еще в начале XX в., тем не менее и через сто лет является остро актуальной, получающей все новые и новые доказательства правдивости и достоверности своих положений со стороны современных естественных и гуманитарных наук. Теория мнемы Н.А. Рубакина, сформулированная в виде трех законов библиопсихологии: закона Земона, закона Гумбольдта-Потемби и закона Тэна, показывает устройство человеческой психики в виде мнемы — системы записей, полученных от внешних раздражителей. Согласно теории Н.А. Рубакина, мнема представляет собой сложную открытую систему, находящуюся в постоянном становлении, дополнении и изменении. Сложный состав мнемы читателя обуславливает восприятие и интерпретацию текста, который также понимается как внешний раздражитель, порождающий совокупность энграмм и их последующих экфорий, а также проекций, принимаемых читателем за понимание текста. Достоверность теории мнемы Н.А. Рубакина подтверждена психофизиологическими экспериментами, направленными на измерение смысловой близости слов (эксперименты А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой), психологическими и психолингвистическими экспериментами (например, тестами Роршаха, разного рода ассоциативными экспериментами), а также достижениями собственно филологической науки, связанной с изучением пространства художественного и нехудожественного текста, образом автора и особенностями интерпретации текста читателями и учеными-исследователями.

Ключевые слова: теория мнемы, библиопсихология, механизмы понимания, текст, ассоциативные исследования

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2023

Дата приема в печать: 15.12.2023

© Бубнова Н.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Бубнова Н.А. Механизмы понимания: теория мнемы Н.А. Рубакина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 38–50. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50>

Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory

Natalia A. Bubnova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 bubnova-na@rudn.ru

Abstract. The study provides a brief overview of the Mnema Theory, a bibliopsychological theory based on the achievements in physiology and evolutionary biology formulated by Russian bibliographer, book critic, popularizer of science and writer Nikolai Alexandrovich Rubakin (Nicholas Rubakin), and the one which allows consistently and vividly reveal the structure of the human psyche, and show the mechanisms associated with understanding in general and understanding words and text, in particular. The Theory of Mnema, although presented to the scientific community at the beginning of the 20th century, is nevertheless highly relevant after a hundred years, and there continues to be more and more evidence pointing to the veracity and credibility of its provisions from modern humanitarian and natural sciences. Nikolay A. Rubakin's Theory of Mnema is formulated on the basis of three laws of bibliopsychology: Zemon's Law, Humboldt-Potebnya's Law and Teng's Law, and shows the structure of the human psyche in the form of mnema, which is a system of records received from external stimuli. According to Nikolay A. Rubakin's theory, the mnema are a complex open system that is in a state of permanent development, and is always being added to and is continually changing. The complex composition of the reader's mnema determines the perception and interpretation of a text, which is also understood as the external stimulus that generates a set of engrams and their activation leading to their subsequent ecphorias, as well as the projections that a reader receives when understanding texts. The validity of Nikolay A. Rubakin's Theory of Mnema is confirmed by psychophysiological experiments aimed at measuring the semantic proximity of words (experiments of A.R. Luria and O.S. Vinogradova), psychological and psycholinguistic experiments (for example, Rorschach tests and various kinds of associative experiments), as well as the achievements of the philological science itself with regard to the study of the space of artistic and non-artistic text, the actual images of the author and the characteristics of the interpretations of the text by readers and researchers.

Keywords: mnema theory, bibliopsychology, mechanisms of understanding, text, associative research

Article history:

Received: 01.09.2023

Accepted: 15.12.2023

For citation:

Bubnova, N.A. (2024). Mechanisms of Understanding: Nikolay A. Rubakin's Mnema Theory. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 38–50. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-38-50>

*...Наше знание есть незнание
наше понимание есть непонимание,
изучение реальности есть искажение ее.*
Н.А. Рубакин

Введение

Проблема человеческого понимания давно беспокоила и беспокоит по сей день ученых самых разных направлений: философов, логиков, филологов, физиологов, психологов, культурологов. К постановке такой фундаментальной проблемы и ее решению подходили с разных сторон, пытаясь выделить характерные черты понимания, описать его механизмы, дать классификации, определить критерии и степени понимания и пр. Но громоздкие дефиниции так и не давали стройное и непротиворечивое представление о сущности этого человеческого феномена, не позволяли доступно и доказательно объяснить случаи понимания и связанного с ним непонимания.

На наш взгляд, наиболее удачной попыткой раскрыть природу понимания является теория мнемы **Николая Александровича Рубакина**, русского книговеда, библиографа, популяризатора науки, писателя и создателя особого раздела науки — **библиопсихологии**. Библиопсихология в общем — наука о психологии книжного дела в процессе его развития и упадка, в связи с условиями окружающей социальной среды [1. С. 16]. Но как и ее сестра — психология — она изучает живых людей по внешним, объективным проявлениям субъективных переживаний, по реакциям на те или иные раздражения, делая выводы о процессах, протекающих в психике человека-читателя под воздействием читаемого им текста [1. С. 21], и позволяет прийти к решению проблемы понимания через человека — читателя.

О Николае Александровиче Рубакине

Николай Александрович Рубакин родился в 1862 г. в Ораниенбауме, пригороде Санкт-Петербурга, в купеческой семье, переехавшей из Псковской губернии. Отец Николая Александровича, Александр Иосифович, долгое время был городским головой, мать, Лидия Терентьевна, была из крестьянской старообрядческой семьи, занималась домом, много читала, интересовалась общественной жизнью, была умным и передовым человеком. В 1873 г. семья переехала в Санкт-Петербург, где мать Н.А. Рубакина открыла небольшую публичную библиотеку, привив тем самым сыну интерес к книге и библиотечному делу, чтению, популяризации образования и самообразованию. И при содействии Н.А. Рубакина небольшая библиотека его матери стала со временем самым большим и самым качественным собранием книг в Санкт-Петербурге, ориентированным на воспитание у широкой публики хорошего и серьезного чтения [2–5].

В 1887 г. Н.А. Рубакин блестяще окончил обучение сразу на трех факультетах Императорского Санкт-Петербургского университета: естественном,

историко-филологическом и юридическом. По окончании университета Н.А. Рубакин четыре года работал на фабрике отца, где постоянно общался с рабочими, беседовал с ними и вскоре убедился, что они как будто разговаривают на разных языках [6]. Н.А. Рубакин пришел к выводу, что для успешного народного просвещения нужно изучить язык, психологию и интересы тех, кому он так стремился посвятить свой талант. Решая эту задачу, Н.А. Рубакин полностью посвятил себя издательско-библиотечной и просветительской деятельности: был членом Санкт-Петербургского комитета грамотности и учредителем особого отдела для самообразования при педагогическом музее, был редактором журнала и руководителем нескольких издательских фирм.

Рис. 1. Николай Александрович Рубакин в 1912 г. Лозанна¹
Fig. 1. Nikolai Alexandrovich Rubakin in 1912. Lausanne

Литературную деятельность Н.А. Рубакин начал еще в юном возрасте, с 13-ти лет он публиковал научно-популярные статьи и сатирические стихи. И позже, уже в зрелом возрасте, Н.А. Рубакин публиковал не только научные и публицистические труды, но и (пусть и немногочисленные) художественные произведения. Но большую часть времени, конечно же, Н.А. Рубакин тратил на изучение потребностей читающей публики и популяризацию самообразования, например, составил программу по исследованию литературы для народа (1889), вступил в обширную переписку с десятками тысяч читателей, отзывавшихся на эту программу, что дало богатый материал для научных докладов и статей, изданных отдельной книгой под заглавием «Этюды о русской читающей публике» [7], а также для обширного книжного указателя по всем областям знаний «Среди книг» (1906) [8]. В 1920-х гг. в СССР были переизданы 23 книги Н.А. Рубакина, в том числе и книги по библиологической психологии: «Библиологическая психология», «Психология читателя и книги», в которой и излагается подробно теория о понимании — теория мнемы [9; 1].

Н.А. Рубакин всегда поддерживал передовые взгляды, был сторонником студенческого движения, участником событий русской революции 1905–1907 гг., что послужило основанием для высылки Н.А. Рубакина

¹ Режим доступа: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/> (дата обращения: 23.02.2023).

в 1907 г. из Российской империи без права возвращения. Н.А. Рубакин уехал в Швейцарию, где и прожил до конца своей жизни (до 1946 г.). За свою жизнь Н.А. Рубакин собрал две великолепных библиотеки. Первую, которую основала его мать, объемом около 130 тысяч томов, он перед эмиграцией в 1907 г. подарил Петербургскому отделу Всероссийской лиги образования, а вторую, собранную уже за границей, объемом около 100 тысяч томов, он завещал Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (сейчас Российская государственная библиотека) в Москве. После окончания войны сын Н.А. Рубакина, Александр Николаевич Рубакин, по завещанию отца перевез библиотеку в Москву, где собрание книг заняло полэтажа хранилища и значится теперь под литерами «Фонд Рб», а также перевез урну с прахом, которая теперь погребена на Новодевичьем кладбище, у Стены старых большевиков [10].

Теория мнемы и основные законы библиопсихологии

Наиболее последовательно и подробно теория мнемы изложена Н.А. Рубакиным в книге «Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию (первое издание в 1928 г. на французском языке, перевод на русский язык — 1929) [1]. В этой книге глубокая научная и доказательная идея изложена интересно, простым и доходчивым языком, раскрывающим основной подход ученого: книга, написанная языком своего читателя, может понятно и доходчиво изложить любую научную мысль. В основу своей теории мнемы Н.А. Рубакин положил материалистические и естественнонаучные идеи физиологов А.П. Павлова и И.М. Сеченова, невролога В.М. Бехтерева, биолога Р. Земона (Richard Wolfgang Semon), лингвистов В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни.

Теория сформулирована в виде трех законов: 1) первый закон — закон Земона; 2) второй закон — закон Гумбольдта-Потебни; 3) третий закон — закон Тэна, фактически являющийся продолжением второго закона.

Первый закон основывается на учении немецкого биолога-дарвиниста **Рихарда Земона**, который первый ввел в науку понятие *мнемы*. В этом случае мнемой понимаются процессы получения, сохранения и оживления *раздражений*, полученных от контакта организма с внешней средой. Эти в целом психофизические процессы имеют свой психический коррелят — *возбуждение*.

При воздействии любого раздражителя из внешней среды (имеющего физическую или иную природу, как, например, слово или текст) организм, находящийся в первичном индифферентном состоянии, отвечает на раздражение определенным возбуждением. После того, как раздражитель перестает действовать, возбуждение прекращается, но при этом организм оказывается **измененным**: он сохраняет **след** от пережитого возбуждения и с этого момента становится более предрасположенным к такому же или похожему раздражению [1. С. 48–49]. Такой след от пережитого возбуждения Земон назвал *энграммой* (от греч. «запись»). Записывается, или энграфируется, психикой абсолютно

любое раздражение, полученное организмом на протяжении всего срока своего существования, причем чаще в зоне бессознательного, чем в зоне собственно сознания. Так как зачастую раздражители действуют одновременно и беспрерывно, накладываясь друг на друга и усложняясь друг другом, то и энграммы, порождаемые такими раздражителями, бывают сложными, комплексными, вступающими между собой в сложные отношения ассоциативного характера. Н.А. Рубакин иллюстрирует это положение примером с болью от укуса пчелы, когда комплекс одновременно образуют энграммы ощущений от боли, образа пчелы, энграммы чувств и эмоций, возникших в результате этого события [1: 49–50]. Систему всех энграмм, полученных психикой организма, Р. Земон назвал *мнемой*. На основании этого формулируется первый закон библиопсихологии, или закон Земона: *все одновременные раздражения в пределах одного и того же организма образуют связанный симультанный комплекс возбуждений, который как таковой обуславливает энграфирование, т. е. оставляет после себя взаимно связанный и постольку же единый комплекс энграмм* [1. С. 50]. Укус пчелы — это очень яркий и запоминающийся раздражитель и сильная энграмма (комплекс энграмм), но большая часть энграмм попадает в подсознание, где находится в латентном, скрытом состоянии. Есть вероятность, что эти энграммы так и останутся латентными, возможно, даже угаснут со временем, но есть вероятность, что эти энграммы будут «оживлены» и выведены в зону сознания и получать определенную рефлексию (осознаваться). Р. Земон назвал такой процесс *экфорией* (от греч. «вынесение»). Механизм экфории запускается, если организм сталкивается с таким же или похожим раздражителем или даже с частью первоначального раздражителя: так один вид или жужжание пчелы экфоризирует комплекс энграмм от полученного укуса, вызывая ощущение боли, страха и пр. При этом процессе энграфирования может быть подвергнут и сама экфория, которая в свою очередь вызывает так называемые *мнематические* энграммы, поскольку они не являются результатом непосредственного влияния внешнего раздражителя. Мнематические энграммы в свою очередь так же могут экфорироваться, а их экфория может энграфироваться, в результате чего получается ряд мнематических явлений, все более и более отодвигающихся от реальности, которые мы, в силу привычки считаем за *реально существующее в действительности* [1. С. 54].

Мнематические энграммы играют ключевую роль в процессе чтения и восприятия чужой речи, так как представляют собой очень сложный психический процесс «воспроизведения реальности под влиянием раздражений, идущих к нам от букв и звуковой речи, от слов и фраз и вообще от текста» [1. С. 51]. Однако в процессе эволюции языка слово, как в цепочке мнематических энграмм, все более удаляется от реальности и вместо смысла, соответствующего реальности, получает смысл *мнематического* происхождения [1. С. 54]. В результате мы называем реалии не теми словами, которые их наиболее точно обозначают, а теми, к которым мы *привыкли*. Таким образом

возникает *проекция*, заменяющая и подменяющая собой реальность. Отказ от проекции и возвращение к реальности, собственно, и является основной задачей библиопсихологии.

Как конкретно работает *проекция*: поскольку раздражителем может стать и слово, фраза, текст, то они, естественно, при чтении вызывают в психике читателя соответствующую реакцию, возбуждая или экфорируя целый комплекс энграмм, связанных с определенным психическим опытом, переживаниями. Если когда-то нас кусала пчела, то читая об укусе пчелы мы мнематически воспроизводим, экфорируем энграммы нашего прошлого опыта [1. С. 53]. В результате этого процесса переживания от прочитанного совмещаются с нашими собственными переживаниями, и возникает то, что мы называем «пониманием книги». Но это «понимание» — реальность не внешнего мира, а исключительно **внутреннего** мира, обусловленного качественным и количественным составом нашей собственной мнемы. Мы отбрасываем на текст проекцию нашей мнемы и то, что *кажется*, принимаем за реальное содержание текста. И каждый читатель видит в тексте только *проекцию* своей мнемы, в результате чего возникают множественные проекции одного и того же текста.

Похожий механизм проекции задействуется в популярном тесте Роршаха, когда испытуемому предлагается интерпретация абстрактного чернильного пятна [11]: разные люди, глядя на одну и ту же картинку, видят, понимают и чувствуют в ней разное, потому что каждый **приписывает** ей разные элементы своей мнемы.

На этом основании Н.А. Рубакин делает следующий вывод: «*Мы знаем не книги и не чужие речи, и не их содержания, — мы знаем наши собственные проекции их, и только то содержание, какое в них мы сами вкладываем, а не то, какое вложил автор или оратор*» [1. С. 59]. Сколько у книги читателей, столько и «содержаний», а сходство или различие в «содержаниях» обуславливаются сходством и различием читательских мнем, и даже изменения в одной и той же мнемее влечет и изменения в «содержании», то есть в проекции.

Рис. 2. Карточка с чернильным пятном из теста Роршаха²
Fig. 2. A card with an ink stain from the Rorschach test

² Режим доступа: https://yandex.ru/images/search?img_url=https%3A%2F%2Fimg.net%2Fh%2Fi968.photobucket.com%2Falbums%2Fae166%2Fzerodrame%2F38174-Rorschach1.png&lr=213&nomisspell=1&noreask=1&pos=20&relev=new_family_filter_disable%3D1&rpt=simage&snip=exps%3Dimg_exp_text_ranker%3Ddummy_passage_ranker&source=qa&srscskip=IMAGESQUICK&srscskip=IMAGESULTRA&text=тест%20роршаха (дата обращения: 23.02.2023).

Естественным продолжением этого вывода является **второй закон** библиопсихологии — **закон Гумбольдта-Потебни**. Как справедливо замечает Н.А. Рубакин, мы с самого детства привыкли думать, что у слова (текста) есть определенное содержание, и это содержание в слово *вложено* его автором, говорящим или пишущим. Но теория мнемы разрушает это представление: *«слово, которое мы читаем или слышим, не имеет никакого содержания, кроме того, которое мы в него вкладываем в процессе чтения или слушания»* [1. С. 60]. Безусловно, при составлении текста автор пытается *вложить* в свой текст некоторое содержание, но, по теории мнемы, *получить* из текста то же самое, что вложил автор, невозможно, так как любой чужой текст мы знаем только как проекцию элементов нашей собственной мнемы. Можно ли из этого тезиса сделать вывод, что, если мы так ограничены рамками своей мнемы, то понимание текста вовсе невозможно?

Если элементы мнемы читателя сходны или даже тождественны элементам мнемы автора текста в момент его составления, то можно предположить большую степень «понимания» такого текста читателем. Соответственно, чем больше тождественных элементов, тем выше степень возможного «понимания». Что, однако, не отрицает изначального принципа работы мнемы: любое раздражение вызывает в мнеме внутренние, субъективные возбуждения, так что *«раздражитель не есть передатчик, а лишь возбудитель переживания»* [1. С. 60]. Поскольку к подобным выводам разными путями и в разное время пришли Вильгельм фон Гумбольдт и А.А. Потебня, Н.А. Рубакин формулирует второй закон библиопсихологии как закон Гумбольдта-Потебни: *«Человеческая речь, как и все элементы ее, вплоть до отдельного слова и даже звука или буквы, суть орудия только возбуждения психических переживаний, в соответствии с особенностями той мнемы, в какой они возбуждаются, а не орудия переноса или передачи этих переживаний. <...> Слово, фраза, книга суть не передатчики, а возбудители психических переживаний в каждой индивидуальной мнеме»* [1. С. 61]. Это значит: что бы ни вложил автор в свой текст, читатель не может это получить, а только сам создать это содержание из элементов собственной мнемы в большей или меньшей степени приближения к недоступному пределу — содержанию, изначально вложенному автором. И такое *«предумывание своих собственных дум над чужой речью»* [1. С. 65] не следует смешивать с переживанием автора и с содержанием его произведения.

Третий основной закон библиопсихологии Н.А. Рубакин назвал законом И. Тэна в честь французского философа, теоретика искусства и литературы, психолога и историка Ипполита Тэна (Hippolyte Adolphe Taine). Третий закон библиопсихологии продолжает второй закон, закон Гумбольдта-Потебни, и описывает процессы накопления энграмм и пополнения мнемы. Н.А. Рубакин формулировал закон Тэна следующим образом: энграммы, непрерывно притекающие в мнему и обуславливающие собою качественную

и количественную сторону экфорий, всегда находятся в функциональной зависимости, во-первых, с расой, во-вторых, с окружающей средой и, в-третьих, с моментом. В этом случае под особенностями расы понимались наследственные, врожденные явления (естественные рефлексy, темперамент и пр.), под особенностями среды — ненаследственные, внешние, социальные; под особенностями момента — индивидуальные. По мнению Н.А. Рубакина, важнейшими являются именно социальные явления, социальная мнema, так как именно ей «мы обязаны тем, что человек понимает человека, слушающий говорящего, а читающий пишущего. Обоюдное понимание есть явление социальное и результат не иначе как социальных же явлений. Значит, и то содержание, какое каждый из нас приписывает речи, представляет собой тоже социальное явление» [1. С. 76], а также [12–15].

Экспериментальные доказательства теории мнемы Н.А. Рубакина

Достоверная экспериментальная верификация положений теории мнемы Н.А. Рубакина произошла много позже ее публикации и из области сугубо биологических наук и медицины — нейропсихологии и физиологии мозга. Конечно, исследователи-экспериментаторы в этом случае не ставили перед собой задачу доказать именно теорию мнемы, но результаты экспериментов, проведенных нейропсихологами Александром Романовичем Лурией и Ольгой Сергеевной Виноградовой в 1971 г. [16–19], показали объективную психофизиологическую реальность энграмм-ассоциаций, составляющих систему мнемы.

Эксперимент по выявлению и измерению смысловой близости слов А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой основывается на сосудистых рефлексах человека. Объективность данных эксперимента обеспечивает то, что инструментально зафиксированные сосудистые рефлексy, полученные на внешние раздражители, невозможно подделать или симулировать. Именно на этом основывается работа известного полиграфа, или «детектора лжи».

Согласно данным физиологии, реакции сосудов пальцев рук и головного мозга можно разделить на три типа: нейтральная, ориентировочная, защитная.

При **нейтральной** реакции на раздражитель-стимул сосуды рук и головного мозга находятся в обычном, нормальном для организма состоянии и не демонстрируют никаких изменений. При **ориентировочной** реакции, когда человек активно реагирует на внешний раздражитель-стимул, но без мобилизации организма, сосуды пальцев сжимаются, а сосуды головы расширяются, активно питая мозг кровью и настраивая на усиленную ориентацию в ситуации. При **защитной** реакции, когда человек также активно реагирует на внешний раздражитель-стимул, но при этом мобилизует силы организма на сопротивление внешнему воздействию, сосуды пальцев и головного мозга сжимаются. Специальные датчики, размещенные на теле испытуемого, фиксируют каждую реакцию организма.

В качестве раздражителя-стимула экспериментаторы выбрали комплексное воздействие: испытуемому предъявляли слово-стимул «скрипка» и одновременно наносили несильный, но чувствительный и неприятный удар током. В результате воздействия у испытуемого вырабатывалась стойкая защитная реакция, которая сохранялась даже тогда, когда человек слышал слово-стимул «скрипка», но удара током не было.

На следующем этапе эксперимента испытуемому предъявляли ряд других слов-стимулов, однокоренных с исходным стимулом «скрипка» или тесно связанных с ним по смыслу (например, «скрипач», «смычок», «струна» и пр.). В ответ на эти стимулы испытуемый также демонстрировал защитную реакцию [16]. Когда испытуемому предъявляли стимулы — названия неструнных музыкальных инструментов (например, «барабан», «труба») или названия, связанные с музыкой вообще (например, названия музыкальных сочинений, особенности исполнения и пр.), или слова, фонетически близкие к исходному стимулу «скрипка» (например, «скрепка», «скрипеть»), то испытуемый демонстрировал ориентировочную, более слабую, сосудистую реакцию. На третью группу стимулов, вообще не связанных с исходным ни семантически, ни фонетически (например, «облако», «шкаф»), сосудистая реакция была нейтральной.

Этот эксперимент А.Р. Лурии и О.С. Виноградовой показывает и убедительно доказывает именно то самое устройство мнемы как сложной системы ассоциативных связей между записями-энграммами, полученными в результате возбуждения организма в ответ на внешний раздражитель, описанное Н.А. Рубакиным. Конечно, в случае мнемы устройство будет более сложное, чем то, что демонстрирует эксперимент, так как реакции-энграммы могут быть получены от любого раздражителя физического или нефизического характера, а также от экфорий предыдущих энграмм. Но даже этот эксперимент, показавший лишь часть сложного устройства мнемы доказывает основные положения теории Н.А. Рубакина: характер энграмм как записей воздействия внешнего стимула, ассоциативную связь разной силы между энграммами, системное устройство мнемы и ее нелинейный и диссипативный (рассеянный) характер. Эти выводы подтверждаются и данными лингвистической науки: многочисленными ассоциативными экспериментами, материалом ассоциативных словарей и тезаурусов [20].

Заключение

Теория мнемы описывая процессы в человеческой психике при контакте с окружающей действительностью и со словом как одним из элементов этой окружающей действительности непременно должна составить методологический фундамент филологических и других гуманитарных наук. Экспликация процессов, формирующих мнему и создающих проекции при восприятии и переживании текста, не позволит ученому совершить серьезную

методологическую ошибку: принять собственную проекцию за содержание текста, собственные мысли и переживания за мысли и переживания автора в момент составления текста. Практическое применение теории позволяет углубить представления о сверхкатегории образа автора (как художественного, так и публицистического, научного текста) как сложного организующего начала, придающего тексту внутреннее единство, вводящего и закрепляющего смыслы, обуславливающего содержательную направленность, что хоть несколько позволит раскрыть идею текста, т. е. именно те переживания, что возникали у автора в момент его творчества.

Теория мнемы позволит обозначить и глубже описать образ и образное мышление в науке как способ экономно выражать сложную мысль и особый способ познания через переживания (возбуждения соответствующих энграмм, экфорирования), а также механизмы и особенности ассоциирования.

Системный подход, представленный в теории мнемы, дает богатый материал для размышления не только ученым, занимающимся исследованием текста, но и языковедам-теоретикам, типологам. Теория позволяет усилить объяснительный потенциал системной лингвистики Г.П. Мельникова как естественное продолжение и развитие идей В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни.

Н.А. Рубакин замечал, что под *использованием* библиопсихологических ценностей следует понимать *превращение их в жизнь*. Теория мнемы обязательно должна быть *использована* и не только в научном, но и в социальном, психологическом и самом широком поле. Если мы знаем, как рождается непонимание, мы скорее можем достичь его альтер эго — понимания.

Библиографический список

1. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977.
2. Бородина В.А. Библиопсихология в культуре текстовой деятельности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 3(36). С. 137–141.
3. Бородина В.А. Современная библиопсихология в контексте наследия Н.А. Рубакина // Сфера культуры. 2022. № 2(8). С. 91–100. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2022_8_91
4. Леонтьев А.А. О Н.А. Рубакине // Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977. С. 3–5.
5. Сорокин Ю.А. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина // Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. М.: Книга, 1977. С. 6–15.
6. Крук Т.К. Николай Александрович Рубакин // Рубакин Н.А. Как заниматься самообразованием. М.: Советская Россия, 1962. С. 3–28.
7. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике // Избранное: в 2 томах. Т. 1. М.: Книга, 1975. С. 33–104.
8. Рубакин Н.А. Среди книг // Рубакин Н.А. Избранное: в 2 томах. Т. 1. М.: Книга, 1975. С. 107–211.
9. Рубакин Н.А. Библиологическая психология. М.: Академический проект; Триеста, 2006.
10. Рубакин А.Н. Рубакин (Лощман книжного моря). М.: Молодая гвардия, 1967.

11. *Роршах Г.* Психодиагностика: Методика и результаты диагностического эксперимента по исследованию восприятия (истолкование случайных образов) / Пер. с немецк. В.И. Николаева. М.: Когито-Центр, 2003.
12. *Валентинова О.И., Никитин О.В.* Когнитивная картина мира в идеологическом ракурсе статей лингвистического словаря (на материале первого издания энциклопедии «Русский язык») // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 2. С. 119–128. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-119-128>
13. *Валентинова О.И.* Образное мышление в науке (на материале сочинения В.О. Ключевского «История России») // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048>
14. *Валентинова О.И., Ван Лэлэ.* Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 775–789. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789>
15. *Бахтикуреева У.М., Валентинова О.И.* Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 1. С. 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
16. *Лурия А.Р., Виноградова О.С.* Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 27–63.
17. *Виноградова О.С., Эйслер Н.А.* Выявление системы словесных связей при регистрации сосудистых реакций // Вопросы психологии. 1959. № 2. С. 101–117.
18. *Леонтьев А.А.* Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М., 1971. С. 7–19.
19. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Московского университета, 1979.
20. *Арутюнян В.Г.* Ассоциативно-семантический сетевой принцип организации ментального тезауруса человека // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 11. С. 128–134.

References

1. Rubakin, N.A. (1977). *Psychology of the Reader and Books: a Brief Introduction into Bibliological Psychology*. Moscow: Kniga. (In Russ.).
2. Borodina, V.A. (2018). Bibliopsychology in Culture of Textual Activity. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, 3(36), 137–141. (In Russ.).
3. Borodina, V.A. (2022). Today's Library Psychology in the Context of N.A. Rubakin's Legacy. *Sphere of Culture*, 2(8), 91–100. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2022_8_91 (In Russ.).
4. Leont'ev, A.A. (1977). About N.A. Rubakin. In: *Rubakin N.A. The Psychology of the Reader and Books: a Brief Introduction to Bibliological Psychology*. Moscow: Kniga. pp. 3–5. (In Russ.).
5. Sorokin, Yu.A. (1977). The Bibliopsychological Theory of N.A. Rubakin. In: *Rubakin N.A. Psychology of the Reader and Books: a Brief Introduction to Bibliological Psychology*. Moscow: Kniga. pp. 6–15. (In Russ.).
6. Kruk, T.K. (1962). Nikolay Aleksandrovich Rubakin. In: *Rubakin N.A. How to Engage in Self-Education*. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. pp. 3–28. (In Russ.).
7. Rubakin, N.A. (1975). Studies About the Russian Reading Public. In: *Rubakin N.A. Favorites: in 2 vols*. Vol. 1. Moscow: Kniga. pp. 33–104. (In Russ.).
8. Rubakin, N.A. (1975). Among the Books. In: *Rubakin N.A. Favorites: in 2 vols*. Vol. 1. Moscow: Kniga. pp. 107–211. (In Russ.).
9. Rubakin, N.A. (2006). *Bibliological Psychology*. Moscow: the Triksta Academic Project. (In Russ.).
10. Rubakin, N.A., (1967). *Rubakin (Guide of the Sea of Books)*. Moscow: Molodaya Gvardiya. (In Russ.).

11. Rorschach, G. (2003). *Psychodiagnostics: Methodology and Results of a Diagnostic Experiment to Study Perception (Interpretation of Random Images)*, V.I. Nikolaev (Tr.), Moscow: Kogito-Center. (In Russ.).
12. Valentinova, O.I. & Nikitin, O.V. (2022). Cognitive World View from Ideological Perspective of Linguistic Dictionary Entries (based on Material from Encyclopaedia “Russian Language”, first edition). *Issues of Cognitive Linguistics*, 2, 119–128. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-119-128> (In Russ.).
13. Valentinova, O.I. (2022). Imaginative Thinking in Science (Based on the Material of V.O. Klyuchevsky’s Essay “The History of Russia”). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 4, 48–57. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.048> (In Russ.).
14. Valentinova, O.I. & Van, Lele (2020). Manifestation of the Author’s Image Category in the Characteristics of the Reign of Peter the Great (Based on the Material of V.O. Klyuchevsky “Russian History”). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(4), 775–789. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-4-775-789>. (In Russ.).
15. Bakhtikireeva, U.M. & Valentinova, O.I. (2022). “Language Thinking” from the Perspective of System Linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 26(1), 224–244. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149> (In Russ.).
16. Luria, A.R. & Vinogradova, O.S. (1971). Objective Study of the Dynamics of Semantic Systems. In: *Semantic Structure of the Word, Psycholinguistic Studies*. Moscow. pp. 27–63. (In Russ.).
17. Vinogradova, O.S. & Eisler, N.A. (1959). Identification of the System of Verbal Connections in the Registration of Vascular Reactions. *Voprosy Psichologii*, 2, 101–117. (In Russ.).
18. Leontiev, A.A. (1971). Psychological Structure of Meaning. In: *Semantic Structure of the Word, Psycholinguistic Research*. Moscow. pp. 7–19. (In Russ.).
19. Luria, A.R. (1979). *Language and Consciousness*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.).
20. Arutyunyan, V.G. (2013). Associative-Semantic Network Principle of Human Mental Thesaurus Organization. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University: Philology, Pedagogy, and Psychology*, 11, 128–134. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Бубнова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *научные интересы*: семиотика, семантика, системология, герменевтика, семантическая типология текстов; *e-mail*: bubnova-na@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-8293-1399. ResearcherID: AAA-1513-2019. SPIN-код: 9065-7172, AuthorID: 187596.

Information about the author:

Natalia A. Bubnova, PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of General and Russian Linguistics, Faculty of Philology, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: semiotics, semantics, systemology, hermeneutics, semantic typology of texts; *e-mail*: bubnova-na@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-8293-1399. ResearcherID: AAA-1513-2019. SPIN-code: 9065-7172, AuthorID: 187596.